

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Хмельное лето с привкусом любви

Когда я вспоминаю своих любимых женщин, неизменно в памяти всплывает она — Анжелика. Благодаря ей моё лето 19** года, пожалуй, самое яркое воспоминание в моей бестолковой судьбе. Несколько месяцев безумной любви и запретных наслаждений были окрашены такими сильными эмоциональными переживаниями, словно я прожил целую жизнь.

Юная прелестница появилась в моей жизни неожиданно. Я был молод — слегка за двадцать — и к моменту нашей встречи знал не только теорию сексуальных отношений, но и через пень-колоду прошел её азы. Все что шевелилось и пахло женщиной, вызывало у меня стойкую эрекцию, и при невозможности регулярной разрядки я истово колол дрова.

Анжелика приехала вместе с мамой из Ташкента в нашу страну, чтобы поступить в Вуз. На правах знакомых они остановились у нас — на моё счастье и мою погибель. Когда я увидел Анжелику в первый раз, то у меня ёкнуло все, чем меня наградила природа. Моя реакция смахивала на ирландский танец, и я прислонился к стене, чтобы меня не приняли за шизанутого хотя бы в первые полчаса.

Анжелика была не просто хороша — она была ослепительна. Стройная, подтянутая, с белокурой гривой роскошных волос, густыми волнами ниспадающих до крепких ягодичек, с кокетливыми локонами, игриво оттеняющими красивое лицо и с выразительными зелёными глазами, в которых плескалось волшебство. А когда она заметила меня, стоящего в трясучке буквой «зю», старающегося скрыть свой не к месту торчащий хвост, — улыбнулась такой сияющей улыбкой, что я задумчиво вышел из прихожей через закрытую дверь.

Я не сколько не преувеличиваю: она действительно была сногшибательно красива. Тогда я еще не был циничным мудаком, с хитрожорым прищуром посматривающим на очередную стерлядь в юбке: мне в Анжелике нравилось всё. Сейчас, возможно, я бы сказал, что ее крепкие грудки могли быть посисястее, губы — помясистее, а щиколотки — постройнее. Но ей было всего 18 лет лет, и грудь наверняка потом выросла еще на пару размеров — если судить по ее мамочке.

Ощущение козла в огороде так окрылило меня, что я в первый же вечер Пегасом поскакал на свидание с рыбой своей мечты. Я показывал город, и Анжелика во все глаза восхищенно смотрела по сторонам совершенно не замечая меня. Наконец я завел ее в какие-то трущобы, на фоне которых я выглядел вполне презентабельно и сексуально. Мы разговорились, и я с прискорбием узнал, как она относится к сексу.

— Однажды я подглядела, как родители смотрели порно кассету, — заговорчески поведала она, оглядываясь по сторонам, — это было ужасно!

«Облом», — подумал я в отчаянии ковыряя палкой какое-то дупло в дереве, на которое мы присели для разговоров по душам. А когда я выяснил, что она еще девственница, то быстро скис и засобирался домой.

Была у Анжелики одна черта, которая подбешивала меня: она была патологически лжива. Энджи лгала не с целью какой-то выгоды для себя, а просто так, автоматически и, как правило, всегда. Я не мог понять, в чем дело и это иногда серьезно расстраивало меня.

Но наше сближение было неизбежно: мы находились в одной квартире львиную долю времени, и физиология взяла верх, тем более нашими мамами все было заранее

предопределено. Мы с Анжеликой уже тайком целовались, и я задыхался каждый раз от её поцелуев: в них было скрыто столько неподдельной страсти; Мне казалось, что Энджи сама не понимает, каким оружием она владеет. К сожалению, наш яростный петтинг не заканчивался ничем, и я потом в раскоряку уползал в ванную, аки больной тарантул, где опять свирепо колот дрова.

Спала Анжелика в одной из четырех комнат и по утрам, когда все близкие сваливали из квартиры — кто на работу, кто куда — я крутился рядом с её дверью, как кот вокруг сметаны. Достав из штанов подзорную трубу, я внимательно всматривался в щелку двери, надеясь увидеть и умереть.

Однажды Энджи проснулась раньше обычного и ничтоже сумняшеся прошлепав босиком в мою комнату, забралась ко мне в постель. Она обняла меня под одеялом и что-то говорила, а я лежал ни жив ни мертв, совершенно не понимая, что происходит — как Дафна из комедии «В джазе только девушки». Зная отвращение Анжелики к сексу, я даже представить себе не мог, что;

Но тут её рука потянулась к моей плоти и стала играть ею, прямо через трусы. Я лежал дуболомом и охреневал. Я даже не мог прикинуться спящим: моя головка выдавала меня с головой. И тут Анжелика отбросила одеяло и сползла к моим ногам. Потом стянула трусы с моих одеревеневших ног, и я почувствовал на члене влажный жар её поцелуев. А потом; я не видел ничего из-за её волос цвета пшеницы, густой копной лежащих на моих бёдрах, но эти ощущения я помню до сих пор. До этого мгновения с такой любовью и упоением меня не сосали никогда!

Наслаждение было недолгим: менее, чем через минуту я кончил ей в рот с такой силой, что мне показалось, что слышен звук летящей струи. Анжелика все проглотила, облизала член и, выбираясь из кровати, поцеловала меня в губы. Тогда я попробовал вкус собственной спермы первый раз.

— Я пойду приготовлю завтрак, — невозмутимо сказала она и добавила, — обожаю твой член! — и вышла из комнаты.

Я лежал в постели с улыбкой Гуимплена и стеклянными глазами смотрел на засохшего паука на стене. В голове роились вопросы, на которые я не находил ответа, и я мысленно плюнул на них. Через некоторое время я поплелся на кухню удостовериться в том, что мне это не приснилось. Энджи уже завтракала, даже не дождав меня из душа. Как вы думаете, что она сделала? Анжелика отсосала мне еще раз, даже не встав с табуретки, лишь прервав на минуту свою трапезу.

Я снова улетел на небо и понял, что влюбился.

Наши отношения перешли на запредельный уровень: такого минета у меня больше не было никогда. Анжелика сосала мне везде, где только было возможно: дома, на балконе, на улице, в магазине, в кинотеатре; Любимым словом у нее стало «дай!», на которое у меня выработался условный рефлекс почище собаки Павлова. Стоило ей, стоя где-нибудь у кассы в магазине, наклониться ко мне и, прикасаясь к уху губами, прошептать волшебное слово, как я тут же своим рефлексом сдвигал всю очередь вперед.

Наш день начинался следующим образом: как только взрослые покидали эту обитель греха и порока, я тут же подрывался и, пройдя через ванную, шел в покои Королевы Минета. Я вставлял спящей девушке в рот свой накопитель, и она отсасывала мне в полусне. Потом я шел умываться и навещал ее еще раз. По молодости у меня было много информации и я

щедро делился ею при каждом удобном случае. Анжелика по-настоящему любила фелляцию и делала её настолько непринужденно и с удовольствием, что отсос для меня перестал быть каким-то диковинным развлечением.

Так мы и спалились.

Как-то вечером Анжелика сидела в моей комнате за столом и готовилась к вступительным экзаменам. Я, в своем любимом халате, который носил на голое тело, где-то шараялся по квартире, когда вдруг подумал: а не пора ли? И пошёл к ней.

Я встал рядом со столом и даже стал вникать в предмет её подготовки, как все быстро вернулось на круги своя: Анжелика сказала: «Дай!», и схватив меня под уздцы, стала с удовольствием сосать, громко причмокивая и дурачась, словно у нее в руках была любимая игрушка. Так и застал нас мой папа, который заглянул в комнату с так и невысказанным вопросом.

Под громкие чавкающие звуки отец внимательно осмотрел стены и потолок, и молча вышел из комнаты. Я окаменел от ужаса, а Анжелика даже не заметила, что мы уже улетели в тартарары: когда она сосала, окружающий мир для нее просто не существовал. Я слышал потом, как отец выговаривал нашим мамашам: «А что вы хотите от парня, когда вы сами подложили бабу под него?!» Итог был закономерен: Анжелику переселили сначала в съемную квартиру, а затем, когда она поступила на РГФ — в общагу при университете, которая в народе называлась ЦПХ: центральное пиздохранилище.

Это событие стало началом конца наших отношений.

Я стал навещать Анжелику в общежитие. В комнате с ней проживало еще три девицы, однако ее это нисколько не смущало: когда она хотела сосать, она это делала ни на кого не обращая внимания. Правда, в первый раз, когда это произошло при всех, я вёл себя настолько дебилно, что ее подружки, возможно, усомнились в моей адекватности.

Мы сидели втроем на кровати и смотрели по телевизору какую-то комедию. Две девчонки расположились на полу в наших ногах. Иногда было смешно и мы ржали, быть может громче обычного: сказывался эффект толпы. Анжелика сидела рядом со мной и вдруг прошептала мне на ухо стартовую команду: «Дай!». В мозгу замигала красная лампочка и боеголовка тут же встала на боевой режим. Я поспешно прикрыл пах маленькой подушкой, которые валялись по всей кровати.

Провокаторша положила голову мне на бедра, прикрылась подушкой и занялась любимым делом. Я сразу потерял интерес к комедии и замер с глупой улыбкой на лице. Даже Анжелика прыскала в кулачок, которым держала член, из-за смешных гэгов, звучащих по телеку. Я же сидел вареный, как пельмень, глупо таращась невидящим взглядом на экран. Девушки сначала не заметили творящегося безобразия, но Анжелика так увлеклась, что подушка съехала с её головы; и вот уже я сижу в девичьем цветнике, красный, как рак, и упорно смотрю комедию в режиме Царевна Несмеяна.

Через некоторое время девушки тоже перестали смеяться и, косясь на происходящее непотребство, сидели каменными истуканами с острова Пасхи, боясь повернуть головы на хлюпающие звуки. Так мы и сидели некоторое время: четверо придурков, стесняющихся друг друга, изо всех сил изображающих невиданный интерес к давно закончившемуся фильму.

Кто-нибудь пробовал кончить прилюдно, особенно, когда к этому совершенно не готов?

Когда совсем приперло и сдерживаться больше не было сил, я противно застонал, стыдливо

глядя на занюханную штору, и кончил на глазах у ее подруг. Девчонки вздохнули с облегчением, зашевелились и расползлись кто куда, как будто обязательно нужно было дожидаться этого феерического финала, а не свалить из комнаты намного раньше.

Потом Анжелика часто практиковала публичный отсос и в некоторой степени разбаловала меня: я перестал стесняться и не делаю этого до сих пор, в каком бы экзотическом месте меня не застал спонтанный секс. Её сокурсницы тоже привыкли к чудачествам Энджи и почти не обращали на нас внимания, вечно кувыркаяющихся на кровати.

Однажды, когда мы были одни в комнате, Анжелика вдруг придвинулась ко мне, и сказала просто:

— Возьми меня…

Но это совсем другая история, а дальше было вот что.

Много позже, в один из дней я взял с Анжелики слово, что она засядет за уроки, и, натрававшись, поехал из общаги домой. Что-то заставило меня вернуться с полдороги, и когда я вошел в ее комнату, то застал только перепуганных подруг: Анжелики в комнате не было. Девчонки сказали, что она поехала за конспектами и скоро вернется. С тяжелым сердцем я уехал и застал Энджи только на следующий день. Она встретила меня… в чужом мужском свитере. У меня все внутри оборвалось.

Для меня мужской свитер, надетый женщиной на голое тело, на всю жизнь остался символом измены.

Анжелика что-то лепетала в оправдание, но я помнил ее слабость: паталогическую ложь. Я слушал её в пол уха, а сердце истошно вопило в груди: Как?! Почему?! За что?! С каким-то мазохистским иступлением выпытал у неё сколько раз, как и где её трахнули, потом в комнату ввалился какой-то долговязый парень и стал мне доказывать, что они с Энджи любят друг друга и собираются пожениться. Я вышвырнул его из комнаты и запер дверь. Анжелика валялась у меня в ногах, рыдала и просила прощения. Кричала, что любит меня по-прежнему, и все останется между нами, как было раньше, и я тихо спросил её:

— А секс?

— Я буду с тобой заниматься сексом, — помедлив, сказала она.

— Тогда ложись! — рявкнул я и она подчинилась.

Во мне клокотало бешенство и злость, и я не чувствовал собственных слез. Член стоял, как каменный, я готов был разорвать её.

Энджи стянула грёбаный свитер через голову и легла на кровать: голая, дрожащая, всхлипывающая маленькая девочка, она с испугом протянула мне какую-то ленту, достав её из-под подушки. Я сквозь влажную пелену не сразу разглядел что это: презервативы. Механически взял их, повертел в руке, а потом швырнул ей прямо в лицо. Струйка крови, побежавшая из рассеченной губы, отрезвила меня. Анжелика лежала, глядя в потолок и беззвучно плакала.

Я отпер дверь и запустил в комнату хозяина свитера, с которым, конечно же, у Анжелики ничего не получилось… Сейчас Энджи блистает в масс-медиа в одной из европейских стран и, наверное, даже не вспоминает меня.

А я до сих пор, когда слышу песню The Rolling Stones «Angie» плачунавзрыд…

Январь 2017